

Сологуб Федор Кузьмич

Собрание сочинений

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф33

Ф33 **Федор Кузьмич С.**
Собрание сочинений: Том 4 / Сологуб Федор Кузьмич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 218 с.

ISBN 978-5-519-74908-4

ISBN 978-5-519-74908-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

РАЗСКАЗЫ

K P A C O T A

Въ строгомъ безмолвіи вечерѣющаго дня Елена сидѣла одна, прямая и неподвижная, положивъ на колѣни сложенные, тонкія руки. Не наклоняя головы, она плакала; крупныя, медленныя слезы катились по ея лицу, и темные глаза ея слабо мерцали.

Нѣжно-любимую мать схоронила она сегодня, и, такъ какъ шумное горе и грубое участіе людское были ей противны, то она на похоронахъ, и раньше, и потомъ, слушая утѣшенія, воздерживалась отъ плача. Она осталась, наконецъ, одна, въ своемъ бѣломъ покоѣ, гдѣ всесдѣлственно-чисто и строго,—и печальныя мысли исторгли изъ ея глазъ тихія слезы.

Еленино платье, строгое и черное, лежало на ней печально,—какъ-будто, облекая Елену въ день скорби, не могла равнодушная одежда не отражать ея омраченной души. Елена вспоминала покойную мать,—и знала; что прежняя жизнь, мирная, ясная и строгая, умерла навсегда. Прежде, чѣмъ начнется иное, Елена, холодными слезами и неподвижною грустью, поминала прошлое.

Ея мать умерла еще не старая. Она была прекрасна,

какъ богиня древняго міра. Медленны и величавы были всѣ ея движенія. Ея лицо было какъ-бы обвѣяно грустными мечтами о чемъ-то, навѣки утраченномъ, или о чемъ-то желанномъ и недостижимомъ. Уже на немъ давно, предвѣщательница смерти, лежала томная блѣдность. Казалось, что великая усталость клонила къ успокоенію это прекрасное тѣло. Бѣлые волосы между черными все замѣтнѣе становились на ея головѣ, — и странно было Еленѣ думать, что ея мать скоро будетъ старухою...

Елена встала, подошла къ окну, и медленно отодвинула тяжелый занавѣсъ, чтобы разсѣять сумерки, которыхъ она не любила. Но и оттуда, извнѣ, томилъ ея взоры сѣрый и тусклый полусвѣтъ, — и Елена опять сѣла на свое мѣсто, и терпѣливо ждала черной ночи, и плакала медленными и холодными слезами.

И, наконецъ, настала ночь, въ комнату принесли огонь, и Елена снова подошла къ окну. Густая темнота окутывала улицу. Бѣдные и грубые предметы скучной общности скрывались въ черномъ покровѣ ночи, — и было что-то торжественное въ этой печальной чернотѣ. Противъ окна, у котораго стояла Елена, слабо видѣлся на другой сторонѣ улицы, при свѣтѣ рѣдкихъ фонарей, маленькій кирпично-красный домъ кузнеца. Фонари стояли далеко отъ него, — онъ казался чернымъ.

Вдругъ изъ раскрытой кузницы къ воротамъ медленно пронеслась громадная красная искра, и мракъ вокругъ нея словно сгустился, — это кузнецъ пронесъ по улицѣ кусокъ раскаленнаго желѣза. Внезапная зажглась радость въ Елениной душѣ, и заставила Елену тихо засмѣяться, — въ просторѣ безмолвнаго покоя пронесся звонкій и радостный смѣхъ.

И когда прошелъ кузнецъ, и скрылась красная въ черномъ мракѣ искра, Елена удивилась своей внезапной радости, и удивилась тому, что она все еще, нѣжно и трепетно, играетъ въ ся душѣ. Почему возникаетъ, откуда приходитъ эта радость, исторгающая изъ груди смѣхъ и зажигающая огни въ глазахъ, которые только-что плакали? Не красота-ли радуетъ и волнуетъ? И не всякое ли явленіе красоты радостно?

Мгновенная, принеслась она во мракѣ, рожденная отъ грубаго вещества, и погасла, какъ и надлежитъ являться и проходить красотѣ, радуя и не насыщая взоровъ своимъ яркимъ и преходящимъ блескомъ.

Елена вышла въ неосвѣщенный залъ, гдѣ слабо пахло жасминомъ и ванилью, и открыла рояль; торжественныя и простыя мелодіи полились изъ-подъ ея пальцевъ, и ея руки медленно двигались по бѣлымъ и чернымъ клавишамъ.

II.

Елена любила быть одна, среди прекрасныхъ вещей въ своихъ комнатахъ, въ убранствѣ которыхъ преобладали бѣлый цвѣтъ, въ воздухѣ носились легкія и слабыя благоуханія, и мечталось о красотѣ такъ легко и радостно. Все благоухало здѣсь сдва различными ароматами: Еленины одежды пахли розами и фіалками, драпировки—бѣлыми акаціями; цвѣтушіе гіацинты разливали свои сладкіе и томные запахи. Было много книгъ, — Елена читала много, но только избранныя и строгія творенія.

Съ людьми Еленѣ было тягостно, — люди говорятъ неправду, льстятъ, волнуются, выражаютъ свои чувства преувеличеннымъ и непріятнымъ способомъ. Въ людяхъ

много нелѣпаго и смѣшнаго: они подчиняются модѣ употребляютъ зачѣмъ-то иностранныя слова, имѣютъ суетныя желанія. Елена была сдержанна съ людьми, и не могла полюбить ни одного изъ тѣхъ, кого встрѣчала. Одна только была, которая стоила любви, мать,— потому что она была спокойная, прекрасная и правдивая. Елена хотѣла-бы, чтобы и всѣ люди стали когда-нибудь такими-же, чтобы они поняли, что одна есть цѣль въ жизни, — красота, и устроили себѣ жизнь достойную и мудрую...

Горѣли лампы,—ихъ свѣтъ разливался неподвижно-ясно и бѣло. Пахло розою и миндалемъ. Елена была одна.

Она замкнула на ключъ дверь, зажгла передъ зеркаломъ свѣчи, и медленно обнажила свое прекрасное тѣло.

Вся бѣлая и спокойная, стояла она передъ зеркаломъ, и смотрѣла на свое отраженіе. Отсвѣты отъ лампъ и отъ свѣчъ пробѣгали по ея кожѣ, и радовали Елену. Нѣжная, какъ едва раскрывшаяся лилія съ мягкими, еще приматыми листочками, стояла она, и безгрѣшная алость разливалась по ея дѣвственному тѣлу. Казалось, что сладкій и горькій миндальный запахъ, вѣющій въ воздухъ, исходить отъ ея нагого тѣла. Сладостное волненіе томило ее, и ни одна нечистая мысль не возмущала ея дѣвственнаго воображенія. И нѣжные грезилась ей, и безгрѣшные поцѣлуи, тихіе, какъ прикосновенія полуденнаго вѣтра, и радостные, какъ мечты о блаженствѣ.

Радостна была для Елены обнаженная красота ея нѣжнаго тѣла,—Елена смѣялась, и тихій смѣхъ ея звучалъ въ торжественной тишинѣ ея новозмутимаго покоя

Елена легла грудью на коверъ, и вдыхала слабый за-

пахъ резеды. Здѣсь, внизу, откуда странно было смотрѣть на нижнія части предметовъ, ей стало еще веселѣе и радостнѣе. Какъ маленькая дѣвочка, смѣялась она, перекатываясь по мягкому коври.

III.

Много дней подъ-рядъ, каждый вечеръ, любовалась Елена передъ зеркаломъ своею красотою,—и это не утомляло ее. Все было бѣло въ ея горницѣ,—и среди этой бѣлизны мерцали алые и желтые тоны ея тѣла, напоминая нѣжнѣйшіе оттѣнки перламутра и жемчуга.

Елена поднимала руки надъ головою и, приподнимаясь, вытягивалась, изгибалась и колебалась на напряженныхъ ногахъ. Нѣжная гибкость ея тѣла веселила ее. Ей радостно было смотрѣть, какъ упруго напрягались подъ нѣжною кожею сильныя мускулы прекрасныхъ ногъ.

Она двигалась по комнатѣ, нагая, и стояла, и лежала, и всѣ ея положенія, и всѣ медленныя движенія ея были прекрасны. И она радовалась своей красотѣ, и проводила, обнаженная, долгіе часы,—то мечтая и любуясь собою, то прочитывая страницы прекрасныхъ и строгихъ поэтовъ...

Въ чеканной серебряной амфорѣ бѣлѣла благоуханная жидкость: Елена соединила въ амфорѣ ароматы и молоко. Елена медленно подняла чашу и наклонила ее надъ своею высокою грудью. Бѣлыя, пахучія капли тихо падали на алую, вздрагивающую отъ ихъ прикосновенія, кожу. Запахло сладостно ландышами и яблоками. Благоуханія обняли Елену легкимъ и нѣжнымъ облакомъ...

Елена распустила длинныя, черныя волосы, и осы-

пала ихъ красными маками. Потомъ бѣлая вязь цвѣтовъ поясомъ охватила ея гибкій станъ и ласкала ея кожу. И прекрасны были благоуханные эти цвѣты на обнаженной красотѣ ея благоуханнаго тѣла.

Потомъ она сняла съ себя цвѣты, и опять собрала волосы высокимъ узломъ, облекла свое тѣло тонкою одеждою, и застегнула ее на лѣвомъ плечѣ золотою пряжкой.

Сама она сдѣлала для себя эту одежду изъ тонкаго полотна, такъ что никто еще не видѣлъ ея.

Елена легла на низкое ложе, и сладостныя мечтанія проносились въ ея головѣ,—мечтанія о безгрѣшныхъ ласкахъ, о невинныхъ поцѣлуяхъ, о нестыдливыхъ хоровахъ на орошенныхъ сладостною росой лугахъ, подъ ясными небесами, гдѣ сіяетъ кроткое и благодное свѣтило.

Она глядѣла на свои обнаженные ноги,—волнистыя линіи голеней и бедеръ мягко выбѣгали изъ-подъ складокъ короткаго платья. Желтоватые и атые нѣжные тоны на кожѣ рядомъ съ однообразною желтоватою бѣлизною полотна радовали ея взоры. Выдающіеся края косточекъ на колѣняхъ и стопахъ, и ямочки рядомъ съ ними,—все осматривала Елена любовно и радостно, и осязала руками,—и это доставляло ей новое наслажденіе.

IV.

Однажды вечеромъ Елена забыла запереть дверь передъ тѣмъ, какъ раздѣться. Обнаженная, стояла она передъ зеркаломъ, поднявъ руки надъ головою.

Вдругъ пріотворилась дверь. Въ узкомъ отверстіи показалась голова,—это заглянула горничная Макрина, смазливая дѣвица съ услужливо-лукавымъ выраженіемъ на